

Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим

БИОГРАФИЯ

Перевод с английского
под редакцией Александра Турова

издательство аст

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Предисловие</i>	9
	<i>Благодарности</i>	21
	<i>Об именах, названиях и их транслитерации</i>	26
	ПРОЛОГ	31
	ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИУДАИЗМ	
1	МИР ДАВИДА	47
2	ВОЗВЫШЕНИЕ ДАВИДА.	54
3	ЦАРСТВО И ХРАМ	57
4	ЦАРИ ИУДЕЙСКИЕ.	68
5	БЛУДНИЦА ВАВИЛОНСКАЯ	80
6	ПЕРСЫ	88
7	МАКЕДОНЯНЕ.	95
8	МАККАВЕИ.	110
9	ПРИШЕСТВИЕ РИМЛЯН	118
10	ИРОДИАДЫ	127
11	ИИСУС ХРИСТОС	148
12	ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ДОМА ИРОДА	166
13	ИУДЕЙСКИЕ ВОЙНЫ: ГИБЕЛЬ ИЕРУСАЛИМА.	180
	ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯЗЫЧЕСТВО	
14	ЭЛИЯ КАПИТОЛИНА.	189
	ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ХРИСТИАНЕ	
15	АПОГЕЙ ВИЗАНТИИ	207
16	ЗАКАТ ВИЗАНТИЙЦЕВ: ПЕРСИДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ	225
	ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ИСЛАМ	
17	АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ	237
18	ОМЕЙЯДЫ: ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ХРАМ	248
19	АББАСИДЫ: ОТДАЛЕННЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ	260
20	ФАТИМИДЫ: ТЕРПИМОСТЬ И БЕЗУМИЕ	265
	ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КРЕСТОНОСЦЫ	
21	БОЙНЯ	281
22	РАССВЕТ ЗАМОРЬЯ	292
23	ЗОЛОТОЙ ВЕК ЗАМОРЬЯ	298
24	БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	313

25	ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ	324
26	САЛАДИН	330
27	ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД: САЛАДИН И РИЧАРД	342
28	ДИНАСТИЯ САЛАДИНА	349

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. МАМЛЮКИ

29	НЕВОЛЬНИК СУЛТАНА	363
30	ЗАКАТ МАМЛЮКОВ	371

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ОСМАНЫ

31	ВЕЛИКОЛЕПИЕ СУЛЕЙМАНА	381
32	МИСТИКИ И МЕССИИ	384
33	ИЕРУСАЛИМСКИЕ КЛАНЫ	400

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ИМПЕРИЯ

34	НАПОЛЕОН В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ	409
35	НОВЫЕ РОМАНТИКИ: ШАТОБРИАН И ДИЗРАЭЛИ	414
36	АЛБАНЦЫ	423
37	ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОПОВЕДНИКИ	429
38	НОВЫЙ ГОРОД	451
39	НОВАЯ РЕЛИГИЯ	456
40	АРАБСКИЙ ГОРОД, ИМПЕРСКИЙ ГОРОД	463
41	РУССКИЕ	473

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. СИОНИЗМ

42	КАЙЗЕР	479
43	ИЕРУСАЛИМСКИЙ ЛЮТНИСТ	489
44	МИРОВАЯ ВОЙНА	502
45	ВЕЛИКОЕ АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ И ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА	511
46	РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК	529
47	ПОБЕДИТЕЛИ И ТРОФЕИ	543
48	БРИТАНСКИЙ МАНДАТ	553
49	АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ	569
50	ГРЯЗНАЯ ВОЙНА	584
51	ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ, АРАБСКАЯ КАТАСТРОФА	601
52	РАЗДЕЛЕННЫЕ	610
53	ШЕСТЬ ДНЕЙ	619
	ЭПИЛОГ	631

ПРИЛОЖЕНИЯ

	Генеалогия	660
	Карты	668
	Библиография	681
	Предметно-именной указатель	699

Моей дорогой дочери Лили Батшебе

*Иерусалим — это история мира; и даже больше:
это история неба и земли.*

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ. ТАНКРЕД

*Многое пережил Иерусалим. Город был разрушен, отстроен, разрушен
и вновь отстроен. Иерусалим — это старая нимфоманка, которая
с широким зевком стряхивает с себя одного любовника за другим,
предварительно выжав их до конца. Это паучиха, разрывающая
в клочья тех, кто ею овладевает, прежде чем они успевают
оторваться от нее.*

АМОС ОЗ. ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ И ТЬМЕ

*Эрец-Исраэль посредине мира. / А Иерусалим в самом центре Эрец-
Исраэль. / Храм посредине Иерусалима, / Святая Святых в центре
Храма, / Ковчег Завета посредине Святая Святых, / А под Ковчезом —
Краеугольный камень, / На котором основан мир.*

МИДРАШ ТАНХУМА. КЕДОШИМ 10

*Святынище мира — Сирия; святынище Сири — Палестина;
святынище Палестины — Иерусалим; святынище Иерусалима — Скала;
святынище Скалы — место богопочитания; святынище места
богопочитания — Купол Скалы.*

ТАУР ИБН ЯЗИД. ФАДАИЛЬ

*Иерусалим — самый прославленный город. Но есть у Иерусалима
и недостатки. И потому о нем говорят: “Иерусалим — это
золотой кубок, полный скорпионов”.*

МУКАДДАСИ. ОПИСАНИЕ СИРИИ, ВКЛЮЧАЯ ПАЛЕСТИНУ

Предисловие

История Иерусалима — это в определенном смысле история всего мира, но одновременно это и хроника провинциального городка, затерянного среди холмов Иудеи и не раз на протяжении веков терпевшего лишения и невзгоды. Иерусалим издавна считался центром мироздания, и сегодня это определение кажется едва ли не более уместным, чем когда-либо прежде. Поле битвы трех авраамических религий, желанный трофей для набирающих силу христианских, иудейских и исламских фундаменталистов; арена столкновения цивилизаций, линия фронта, проведенная между атеизмом и верой, точка магнетического притяжения тысяч людей; излюбленный объект для конспирологических спекуляций и интернет-мифотворчества, залитая светом софитов авансцена, на которую 24 часа в сутки нацелены камеры всех новостных агентств мира, — все это Иерусалим. Религиозные и политические противоречия пересекаются и подпитывают друг друга, а медиа помогают удерживать Иерусалим в фокусе столь пристального внимания, которым он не пользовался никогда на протяжении своей истории.

Иерусалим — Святой город, но при этом он всегда был и остается гнездом суеверий, религиозного шарлатанства и фанатизма; вождельной целью империй — пусть он и не имеет никакого стратегического значения; космополитическим приютом множества общин, каждая из которых считает, что Иерусалим принадлежит лишь ей одной. Этот город носил и носит множество разных имен, но каждая религиозная традиция настолько фанатична в своем самоутверждении, что не приемлет никакую иную. Этот город настолько утончен и изощрен, что священные иудейские тексты иногда именуют его в женском роде, уподобляя Иерусалим то чувственной красавице, то бесстыдной блуднице, а иногда — уязвленной принцессе, покинутой своими возлюбленными.

Иерусалим — город Единого Бога, столица двух народов, святыня трех религий. И это единственный город, существующий одновременно

И Е Р У С А Л И М

в двух измерениях — на земле и в Небесах, и даже несравненная красота земного города меркнет рядом со славой и величием Града Небесного. Эта двойственная природа означает, что Иерусалим в принципе может существовать где угодно: разнообразные “Новые Иерусалимы” не раз возникали в самых разных уголках света, и каждый из них демонстрирует собственное представление о Небесном Граде. Пророки и патриархи, Авраам, царь Давид, Христос и Мухаммед ступали, как говорят, по этим камням. Здесь зародились авраамические религии, и здесь же в Судный день мир земной придет к своему концу.

Иерусалим, священный город для народов Книги, и есть город Книги: Библия во многих смыслах представляет собой семейную хронику Иерусалима, а ее читатели — от иудеев и первых христиан до мусульманских завоевателей, крестоносцев и современных американских евангелических проповедников — не раз пытались перекроить историю города, чтобы исполнились библейские пророчества. Когда Библию перевели на греческий язык, на латынь, а затем и на другие языки, она стала всемирной Книгой, а Иерусалим стал принадлежать всем. Каждый могущественный правитель стал царем Давидом, каждый великий народ мнил себя новым народом Израиля, а каждая величественная цивилизация воображала себя новым Иерусалимом — городом, который не подвластен никому (хотя каждый из нас воображает его своим личным достоянием). В этом заключена трагедия Иерусалима и одновременно магия его притяжения: каждый, кто мечтал об Иерусалиме, каждый его гость во все времена готовится увидеть город подлинно древний, самобытный и неповторимый, и испытывает горькое разочарование, увидев Иерусалим реальный — изменчивый, знавший времена расцвета и упадка, многократно разрушенный и отстроенный заново. Но коль скоро речь идет об Иерусалиме, всеобщем достоянии, то каждый считает свое видение и восприятие единственно верным; а коль скоро реальность не отвечает нашим ожиданиям, то реальность следует изменить: наделить реальный Иерусалим чертами, существующими исключительно в нашем воображении. И многие пытались сделать это — увы, очень часто огнем и мечом.

Ибн Хальдун, арабский историк XIV века, свидетель и участник некоторых событий, описанных в этой книге, говорил о важности истории для всех без исключения: “Обычные люди стремятся познать ее, цари и правители соперничают за то, чтобы войти в нее”. Это особенно верно в случае Иерусалима. Невозможно написать биографию этого города без осознания того, что Иерусалим — место силы мировой истории, ее краеугольный камень, самая ее суть. В наш век, когда правит бал интернет-мифология, а в арсенал фундаменталиста наряду с кривой саблей входит

Предисловие

суперсовременная компьютерная мышь, установление исторических фактов — дело еще более важное, чем во времена Ибн Хальдуна.

Писать историю Иерусалима — значит погрузиться в исследования сущности святости. Слова “Святой город” слышны всякий раз, когда прозносящий их хочет подчеркнуть свое благоговейное отношение к святыне, однако у этих слов есть и более глубокий смысл: они подразумевают, что Иерусалим есть главное место на Земле для общения между Богом и человеком.

И нам предстоит ответить на вопрос: почему из всех поселений мира подобная роль досталась именно Иерусалиму? Ведь этот городок, стоящий среди негостеприимных скалистых обрывов, удален от главных торговых путей Средиземноморья и страдает от нехватки воды, летом его безжалостно палит солнце, а зимой он стынет под порывами ледяного ветра. Однако выбор Иерусалима в качестве города-Храма был и результатом сознательных личных решений, и естественным эволюционным процессом: чем дольше этот город почитался святым, тем более упрощалась его святость. Ведь святость — это не только вопрос духовности и веры, она должна быть общепризнанна, легитимна и опираться на ту или иную традицию. Радикальный пророк, несущий в мир новую благовест, должен истолковать значение минувших столетий и оправдать собственное откровение на понятном каждому языке и в контексте сакральной географии — мест, где прозвучали более древние пророчества, мест, которые давным-давно почитаются святыми. Ничто не заостряет святость места больше, чем оселок новой религии.

Многих атеистов, посещающих Иерусалим, его пресловутая святость отталкивает, они видят в ней лишь прилипчивое суеверие, одно из проявлений ханжеской набожности, которой болен этот город. Но думать так — значит отрицать насущную и глубокую потребность людей в религии, без которой невозможно понять Иерусалим. Религия призвана объяснить мимолетные радости и бесконечные страхи, которые смущают и сбивают с толку людей. Нам необходимо ощущать присутствие некой Силы, превосходящей нашу собственную. Мы уважаем смерть и уже давно стремимся постигнуть ее смысл. И как место встречи Бога и человека Иерусалим мыслится именно той точкой, где эти вопросы должны разрешиться, когда наступит Конец света, последняя битва между Христом и Антихристом; когда Кааба будет перенесена сюда из Мекки; когда мертвые воскреснут с приходом Мессии, который установит Царство Небесное — новый, Горний Иерусалим.

Все три авраамические религии верят в то, что наш мир конечен. Лишь детали разнятся в концепциях различных конфессий и общин. Атеисты могут считать апокалипсис древней возвышенной выдумкой,

И Е Р У С А Л И М

но следует признать: апокалиптические идеи сегодня более чем актуальны. В век иудейского, христианского и мусульманского фундаментализма вера в апокалипсис становится просто одним из инструментов мировой политики.

Смерть — наш постоянный спутник: многие столетия паломники приходили в Иерусалим, чтобы умереть здесь и быть похороненными у Храмовой горы или на Масличной горе, чтобы первыми восстать из могил, когда ангел протрубит конец мира. Приходят они сюда за тем же и ныне. Иерусалим окружен кладбищами и стоит на кладбищах; здесь поклоняются мощам древних святых: иссохшая, почерневшая рука Марии Магдалины до сих пор выставлена в греческой части церкви Гроба Господня. Многие святилища, даже многие частные дома стоят среди могил. Но мрачность этого города мертвых демонстрирует не только изрядную долю некрофилии, но и своего рода некромантию: ведь мертвые здесь — почти живые, пусть они еще только дожидаются воскресения. Вечная борьба за Иерусалим — все эти массовые убийства, хаос, войны, террор, осады и катастрофы — превратила этот город в поле битвы, или, по словам Олдоса Хаксли, в “скотобойню религий”. Флобер уподоблял город “склепу”, Мелвилл — черепу, осажденному “армией мертвецов”, а Эдвард Саид вспоминал, что его отец ненавидел Иерусалим, потому что тот “напоминал ему о смерти”.

В истории этого святилища Небес и земли не всегда удается усмотреть последовательную волю Провидения. Великие религии внезапно для окружающих рождались из искр, высеченных харизматическим пророком — Моисеем, Иисусом или Мухаммедом. Гигантская империя строилась в одночасье, а неприступный город бывал стерт с лица земли волей и удачливостью одного энергичного полевого командира. Решения личностей, начиная с царя Давида, и сделали Иерусалим Иерусалимом.

Вероятность того, что крошечная цитадель Давида, столица маленького царства, превратится в путеводную звезду для всего мира, была, безусловно, невелика. И по иронии истории именно разрушение Иерусалима Навуходоносором заложило почву для создания Святого города, потому что эта катастрофа побудила евреев начать записывать свою историю и воспевать лучезарную красоту Сиона. Подобные катаклизмы в древности обычно приводили к полному исчезновению побежденного народа, но поразительная жизнестойкость евреев, их неизменная преданность своему Богу, а главное — то, что они записали в Библии свою версию истории, — все это заложило основу славы Иерусалима. Библия заменила евреям и государство, и Храм и стала, по слову Генриха Гейне, “переносным отечеством” иудеев, их “переносным Иерусалимом”. Ни

Предисловие

у какого другого города не было собственной Книги, и никакая книга не предопределила в такой степени судьбу какого-либо города.

Идея святости Иерусалима произросла из идеи об исключительности евреев как избранного народа. Иерусалим стал избранным городом, Палестина — Землей Обетованной, и эта концепция исключительности была затем унаследована христианами и мусульманами. Святость Иерусалима и Палестины скоро стала общепризнанной и отразилась в идее возвращения евреев в Израиль, поддержанной сионистским энтузиазмом Запада — одержимость этой идеей нарастала в Европе со времен Реформации и вплоть до 1970-х годов. После этого трагический поворот истории палестинцев, для которых Иерусалим занял место их Потерянного рая, изменил восприятие Израиля в мире. И западная фиксация на том, что этот город принадлежит всем одновременно, оборачивается для него и благословением, и проклятием. Сегодня эта одержимость выражается в небывало пристальном внимании к Иерусалиму и палестино-израильскому конфликту: он вызывает гораздо большее эмоциональное напряжение, чем любой другой конфликт на земле.

Но не все так просто, как кажется. История часто видится как поступательное движение, в котором периоды прогресса сменяются временами жестокой реакции. А я хотел бы показать, что Иерусалим — это город преемственности и сосуществования, гибридная столица, в которой среди разномастной архитектуры живут перемешавшиеся между собой народы, которые трудно распределить по жестким категориям, что бы ни говорили тут древние религиозные предания и националистические нарративы более поздних времен. Потому я и пытаюсь, когда это возможно, проследить историю Иерусалима через историю династий, родов, семейств и кланов: от Дома Давида до Маккавеев и Иродианов; от Омейядов к династиям крестоносцев и дому Саладина, к семействам Хусейни, Халиди, Спаффордов, Ротшильдов и Монтефиоре.

Такой подход позволяет органически отобразить течение обычной жизни, которая не любит резкого деления на периоды, скучает без ярких деталей и редко бывает беспристрастна. Но Иерусалим — это вовсе не противостояние двух разных культур; это множество культур, наложившихся одна на другую и сплетенных воедино: тут и православные арабы, и арабы-мусульмане, и евреи-сефарды, и ашкеназы, и харедим (религиозные евреи), принадлежащие, в свою очередь, к великому множеству разных “дворов”. Тут и светские евреи, и армяне-монофизиты, и православные греки, русские, грузины и сербы, а также копты, эфиопы, протестанты, католики... Один и тот же человек тут вполне может иметь несколько самоидентификаций и хранить верность сразу нескольким

И Е Р У С А Л И М

традициям — словно человеческий аналог перемежающимся слоям иерусалимских камней и праха в мостовых и стенах города.

Вот что существенно для нашей истории: важность города в окружающем мире то умирала, то усиливалась, но всегда была изменчива, текуча, находилась в процессе трансформации, подобно растению, что меняет свою форму, размер, даже цвет — но при этом всегда остается укорененным на одном и том же месте. Сейчас мы, похоже, находимся в “апогее важности”, сегодня Иерусалим — это медийный Святой город, сакральный центр трех мировых религий, подмостки круглосуточного новостного шоу. Но проходили целые столетия, когда Иерусалим, казалось, утрачивал всякое религиозное и политическое значение. И во многих случаях вовсе не божественное откровение, а прозаическая политическая необходимость вновь вызывала к жизни очередной приступ религиозного иступления.

Однако всякий раз, когда Иерусалим, казалось, предавали забвению и он становился “городом из старинной книжки”, никому не важным и не интересным, — находились люди в отдаленных землях, будь то Мекка, Москва или Массачусетс, которые проецировали свою искреннюю веру на Иерусалим. Любой город — это окно, которое позволяет хотя бы бегло заглянуть в чужой менталитет и образ мышления, но Иерусалим — это не окно, а двустороннее зеркало: он выставляет напоказ собственную жизнь, отражая в то же время в себе все проблемы внешнего мира. И в любую эпоху — идет ли речь о временах всеобщего богопочитания или о строительстве империй, о днях евангельского Откровения или эпохе светского национализма — Иерусалим становился символом этой эпохи и ее вожденным трофеем. И, как это бывает в кривых зеркалах, отражения часто получались искаженными, а иногда и уродливыми.

Иерусалим способен разочаровать и разозлить и завоевателя, и простого гостя. Контраст между реальным городом и Небесным Иерусалимом настолько разителен, что психиатры города принимают в год сотни пациентов, страдающих “иерусалимским синдромом” — временным умопомешательством, возникающим из-за несбывшихся ожиданий и разбитых вдребезги иллюзий.

Правда, у “иерусалимского синдрома” есть и неожиданный политический аспект, который часто проявляется в процессе мирных переговоров: Иерусалим отрицает здравый смысл, логику практической политики и разумных стратегий, предпочитая язык страстей и эмоций, с которыми разум неспособен совладать. Тактическая победа лишь раззадоривает победителя. Здесь правит закон непредвиденных последствий.

Никакое другое место не пробуждает такого страстного желания владеть им полностью. Но в этом ревностном рвении заключена боль-

Предисловие

шая ирония истории, поскольку большинство иерусалимских святынь (и преданий, связанных с ними) заимствованы либо просто украдены адептами одной религии у приверженцев другой, которой эти святыни принадлежали прежде. Многие в прошлом города — очень часто лишь продукт воображения. Буквально каждый камень некогда был частью давно позабытого храма иной веры. Большинство завоеваний (но не все они) сопровождалось инстинктивным стремлением стереть с лица земли следы других религий, одновременно узурпировав их обычаи, предания и святыни. Конечно, бывало так, что учинялись страшные разрушения, но гораздо чаще завоеватели не разрушали то, что было создано до них, а переосмысливали трофейное наследие и добавляли к нему что-то свое. Такие важные места, как Храмовая гора, Цитадель, Город Давида, гора Сион и храм Гроба Господня не демонстрируют разные слои истории в их отдельности, а более напоминают неоднократно переписанный палимпсест или вышивку, в которой шелковые нити настолько плотно переплетены, что расплести их сегодня невозможно.

Соперничество за обладание столь заразной святостью приводило к тому, что некоторые места становились священными для всех трех религий, сначала последовательно, а потом и одновременно. Цари отдавали приказы, и рабы покорно умирали, выполняя эти приказы, но ныне и те, и другие почти забыты. Гора Сион была величайшей святыней и для евреев, и для христиан, и для мусульман, однако сегодня там редко встретишь мусульманских или еврейских паломников — она вновь преимущественно христианская.

В Иерусалиме истина часто менее важна, чем миф. “Если речь об Иерусалиме, то умоляю, не спрашивайте меня о фактах, — говорит известный палестинский историк Назми аль-Джубех. — Уберите вымысел — и от истории Иерусалима вообще ничего не останется”. История здесь обладает такой мощью именно потому, что она постоянно искажается. Археология сама по себе представляет здесь одну из сил истории, и археологи не раз выступали как солдаты, перед которыми была поставлена боевая задача: раскопать именно такое прошлое, которое необходимо политикам именно в данный текущий момент. Археологию, дисциплину, претендующую на объективность и научность, можно, оказывается, использовать для “объективного” обоснования религиозно-этнических предрассудков и оправдания имперских амбиций. Израильяне, палестинцы и империалисты-евангелисты XIX века — все они самым противоположным образом истолковывали одни и те же находки, пытались представить свои интерпретации как несомненные факты. Посему история Иерусалима просто вынуждена была стать сплетением правды и вымысла. Но исторические факты все же существуют на самом